

Summary. In the article originality of literary game in the novel of B. Akunin «F.M.» is probed. The lines of formulary and mimetic literatures are analyzed. The features of genre modification, stylistic game, reception of double code are examined in the article. There are also principles of composition of detective work are determined, which used B. Akunin for creation of work in «middle» genre.

Key words: literary game, double code, intertextuality, mimetic literature, postmodernism, formulary literature, popular literature, belles-lettres.

УДК821.161.1:82-31

С.И. Коршунова

ДИАЛЕКТИКА ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В РОМАНАХ И. С. ТУРГЕНЕВА 1850-60-Х ГОДОВ (СТАТЬЯ ПЕРВАЯ)

У статті здійснюється спроба дослідити співвідношення об'єктивної і суб'єктивної свободи, яке стало антропологічним виміром сутності, зрілості та маркованості героя роману І.С.Тургенєва «Рудін». Діалектика суспільної та особистої свободи представлена як проблема особистісного росту героя, яка допомагає розкрити емоційно-ціннісні стосунки з іншими героями роману.

Ключові слова: антропологізм, особистий, суспільний, свобода, герой, Рудін, І.С. Тургенєв.

Основные направления исследования вопроса свободы, как одного из существенных свойств человека, уже имеют определённую традицию в философской и филологической сфере. Среди приоритетных можно назвать отношение человека к миру и мира к человеку, различение свободы внутренней и внешней, проблема субъекта свободы, соотношение свободы и необходимости и другие. Дело в том, что только человек способен сознательно менять свою жизнь и даже вести две жизни: одну внешнюю, которая может быть ограничена многими факторами, и в первую очередь, социальными; другую внутреннюю – абсолютно свободную, имманентную его желаниям, уму и не зависящую ни от чего.

Свобода, как одна из универсалий, распространяется как на онтологическую сферу, так и на область человеческого сознания, ибо, по определению современной философской антропологии, это проблема меры свободы в поведении и во внутреннем мире человека [2, 63]. Сошлёмся ещё на одну философскую дефиницию свободы как на „способность человека быть собой и открытым изменениям на основе обретения личностного единства в его разных модусах: сущности и существования, духовности и душевности, целеполагания и целереализации, мышления и бытия” [6, 178]. Как видим, современная философская антропология среди многих модусов проявления свободы выделяет соотношение в свободе объективного и субъективного, меры свободы в поведении и во внутреннем мире человека.

Совершенно очевидно, что эти соотношения были всегда, но не становились объектом столь подробного изучения в филологии. Сегодня в этой перспективе открывается возможность исследования не только процессов целеполагания и целереализации личности в современной литературе, но и в ретроспективном изучении классики, в частности русской литературы XIX века.

Объектом нашего исследования стал роман «Рудин». Романы И.Тургенєва 1850-х годов достаточно изучены с точки зрения романной структуры, проблемы личности, характера и времени, психологизма. Полученные результаты предыдущих исследований помогут нам выйти на новый уровень прочтения классических текстов.

Принято считать, что герои тургеневских романов проходят испытание любовью. На наш взгляд, подлинным испытанием и мерилom зрелости личности на пути каждого героя станет испытание свободой. Напомним, что сознание человека мыслит два основных типа свободы: общечеловеческую и личную, в них различается свобода внешняя и внутренняя (объективная и субъективная). Вопрос об общечеловеческой свободе для России середины XIX был чрезвычайно актуальным, сконцентрировавшись в проблему ликвидации крепостного права. Все другие проблемы, касались ли они общественной или личной жизни человека, рассматривались в свете этой глобальной проблемы. Пример такого прочтения любого, даже, на первый взгляд, не связанного с социальными вопросами текста, показывала критика, прежде всего демократическая. Это был вопрос самосознания нации, не решив который нельзя было, как полагали тогда в России все,

двигаться дальше в развитии. Вместе с тем вставал вопрос и готовности общества к свободному развитию, а значит о наличии того человеческого ресурса, который готов был взять на себя ответственность за свободное состояние нации. Проблема была разлита в обществе и Тургенев рассматривает её в трёх романах, написанных в течение пяти лет.

Давно отмечено, что романы И. Тургенева «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне» и «Отцы и дети» типологически однородны, и, помимо сюжетно-композиционной общности, их объединяет проблема человека, а точнее образованной личности, являющейся социально-культурным типом, стремящейся к самореализации и формирующей сознательное целеположение [1, 74].

Воспользуемся наблюдением В.М. Марковича, утверждавшего, что автор в романах И. Тургенева 1850-х годов занимает внесюжетное положение повествователя и выведен за границы, отделяющие мир действительный от мира изображаемого [3, 8]. Внесюжетное положение автора не только даёт ему право на свободу перемещения в художественном пространстве и времени романов [3, 24], но и существенно ограничивает его права на объяснение внутренней жизни персонажей [3, 28]. Принципиальная отдалённость повествователя от мира персонажей снимает необходимость полного объяснения и мотивации их поступков, и тем самым расширяет возможности декодирования образов согласно времени восприятия текста. Иными словами, такая исходная позиция автора раздвигает «раму» произведения, и то, что было в определённом смысле неясно в своё время для персонажа и автора получает возможность экспликации в наше время. В частности, попытаемся понять, как вопрос о свободе внешней и внутренней связан с аксиологической стороной образа «лишнего человека» в романе И. Тургенева «Рудин».

Первый роман И. Тургенев называет именем персонажа, которого только к концу романа можно назвать протагонистом автора. Рудину придётся доказывать своё право стать «героем», и не последнюю роль здесь сыграет соотношение свободы – несвободы в сознании и поведении героя.

Объективация рудинского взгляда на «общие начала» представлена уже в первом разговоре в салоне Ласунской. Из уст Рудина прозвучат слова о «потребностях, значении, будущности своего народа» и об «общем благе». О том, что в число «общих вопросов», которых касался Рудин в своих речах, входила и тема свободы, мы узнаем лишь из упрека Натальи, брошенного Рудину в момент выяснения истины в сцене у Авдюхина пруда: «Так вот как вы применяете на деле ваши толкования о свободе, о жертвах, которые...» [5, 281]. Может показаться, что свобода – это несущественный мотив в разработке сущности рудинской натуры, однако, это не так. В первую очередь, для читателя XIX века и нашего времени в словах «общее благо», «свобода» слышались проблемы социальные, т.е. общие, имеющие отношение к крепостничеству. Автор не будет заострять внимание на этом векторе, поскольку его актуальность была столь очевидной, что достаточно было такого намёка. И когда в конце романа Рудин скажет с сожалением: «Испортит я свою жизнь и не служил мысли, как следует...» [5, 321], читатель может истолковать его слова и как покаяние в бездействии во имя общественной свободы. Но гораздо важнее в плане декодирования характера Рудина наличие или отсутствие в нём внутренней свободы.

Согласие Рудина остаться в доме Ласунской «погостить» означает, что он сознательно выбирает роль приживалы или, как назовёт его впоследствии Пигасов, «лизоблюда», тем самым подтверждая, что он не выходит за пределы конвенциональной морали. И какое-то время Рудин добросовестно исполняет роль интеллектуальной игрушки в доме богатой помещицы. Поэтому важным пунктом станет сцена встречи Рудина и Лежнева в кабинете Ласунской. Барыня попытается «приручить» и Лежнева. Но тот настолько твёрдо и даже с некоторым вызовом будет отстаивать свою независимость, что Рудину придётся несколько смягчить ситуацию. Референтивной будет фраза Рудина, объясняющая нежелание Лежнева стать ручным для Ласунской: «Москё Лежнев, кажется, преувеличивает весьма похвальное чувство – любовь к свободе» [5, 237]. Рудин явно на стороне неунимающейся помещицы, и его вмешательство вносит примирение: Лежнева оставили в покое, а Ласунская не обижена тем, что не смогла его уговорить.

На первый взгляд, Рудин соглашается с принятой нормой, что бедный человек зависит от богатого, и, поняв, что нарушил иерархию отношений, посмеив полюбив дочь Ласунской, он, не задумываясь, даёт «совет» Наталье: покориться воле матери. Однако диалог с Басистовым, который провожает уезжающего от Ласунских Рудина, открывает в герое новую сторону. Рудин (кстати, очень удачно) сравнивает себя с Дон-Кихотом и вспоминает аналогичную ситуацию в обстоятельствах этого героя: отъезд из дворца герцогини и отказ от дарованного куска хлеба. Оказалось, Рудину не чуждо стремление к «свободе от» (Э. Фромм) во имя обретения независимости, освобождения для личностного роста.

Аналогичная ситуация повторится в жизни Рудина, когда он будет интеллектуальным донором одного тщеславного «барича-педанта». Но он и тут, как выразился Лежнев, слушавший эту историю, «не пустил корней в недобрую почву, как она жирна ни была» [5, 320].

Третий случай показывает, что Рудин вступил в поединок с общественным мнением, а точнее с коллективом гимназии, который, естественно, не захотел терпеть «чужака», вознамерившегося

на «коренные преобразования» в их устоявшемся мире. И Рудин, вначале думавший показать всем, что с ним «нельзя поступать так», оказался в ситуации, когда с ним можно поступать «как угодно», и, судя по его поспешному отъезду, попал под надзор полиции.

Таким образом, значение героя И. Тургенева раскроется в полной мере только тогда, когда мы рассмотрим его в парадигме понятия свобода. Вся жизнь и деятельность Рудина не мыслима без общечеловеческой свободы. В романе она воплощается в выражениях «огонь любви к истине», «стремление к идеалу», которые Лежнев отсылает Рудину. Речи Рудина в салоне Ласунской касались, прежде всего, вопроса свободы общественной, а не личной, чем вызывали восторг у его поклонников Натальи и Басистова. Вопрос о личной или внутренней свободе героя более сложный. Вначале Рудин внутренне не готов к свободе, которая коррелирует с ответственностью. Эпизод у Авдюхина пруда становится переломным в жизни Рудина. Оказалось, что мера свободы Рудина в его поведении и во внутреннем мире не соответствуют его рациональному видению проблемы свободы. Характерно, что Рудин даже не задумывается над ответом на вопрос Натальи: «Что же делать?», а однозначно отвечает: «Покориться».

Однако если мы согласимся с тем, что свобода – это мера человеческой личности, то последующие поступки Рудина, о которых он рассказывает Лежневу при встрече в эпилоге романа, будут попыткой формирования навыков обретения свободы и умения нести ответственность за право быть свободным человеком. Все три эпизода, о которых Рудин расскажет Лежневу, будут свидетельствовать о растущем нонконформизме героя. Расширение внутренней степени свободы в герое сочетается с усилением безнадёжности по поводу стагнации свободы внешней. Это настолько сильно сказывается на поведении героя (фигура, выражающая покорность, не смеет подать руки Лежневу, говорит о себе в уничижительном тоне), что его бывшему антагонисту придётся употребить самые превосходные выражения, чтобы убедить Рудина в значимости его жизни и деятельности: «<...> может быть, ты исполняешь <...> высшее, для тебя самого неизвестное назначение» [5, 321].

Апофеозом станет финальная сцена гибели Рудина на баррикадах. Значение её заключается в том, что это его выбор – получить пулю, как бы нелепо ни выглядела эта сцена, лишённая всякого героизма. Почему и как Рудин оказался в революционной Европе, автор поручает читателю домысливать самому. Можно говорить о честности и верности своим убеждениям, о невозможности найти себе применение в России и даже об усталости героя от жизненных скитаний, но нельзя не сочетать имя Рудина со свободой, которая в том историческом контексте воплотилась в образе июльских баррикад в Париже.

Таким образом, в романе «Рудин» И.С. Тургенев генерализирует проблему человеческих коллизий, воспроизводя социально-психологическую архитектуру эпохи начала 1840-х годов, когда вопросы свободы объективной, общечеловеческой и личной, субъективной уже обрели онтологическую направленность и в той или иной мере влияли на основные характеристики литературного героя эпохи. Имманентный историзм сознания героя Тургенева выявил себя в устремлённости к освобождению от власти господствующих социальных и «родовых» антропологических парадигм, что сказалось на усложнении концепции человека не только в творчестве И.С. Тургенева, но и всей классической русской литературы.

Список использованных источников

1. Бялый Г.А. Русский реализм. От Тургенева к Чехову / Г.А. Бялый. – Л. : Сов. писатель, 1990. – 640 с.
2. Золотухина-Аболина Е.В. Философская антропология : учеб. пособие. / Е.В. Золотухина-Аболина. – М. : ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д. : Издательский центр «МарТ», 2006. – 240 с. – (Серия «Учебный курс»).
3. Маркович В.М. Человек в романах И.С. Тургенева / В.М. Маркович. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1975. – 152 с.
4. Солохина А.С. Свобода / А.С. Солохина // Антология концептов. – М. : Гнозис, 2007. – С. 165-182.
5. Тургенев И.С. Рудин / И.С. Тургенев // Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. : Сочинения в 12 т. / [изд. 2-е, испр. и дополн.]. – М. : Наука, 1980. – Т. 5. – С. 197-322.
6. Хамитов Н.В., Крылова С.А. Философский словарь : Человек и мир / Н.В. Хамитов, С.А. Крылова. – К. : КНТ, Центр учебной литературы, 2006. – 308 с.

Summary. The article tries to research a correlation between objective and subjective freedom, which has become anthropological dimension of the hero's essence, maturity and marking in the novel «Rudin» by I.S. Turgenev. The dialectics of social and personal freedom is shown as the problem of the growth of the hero's personality. This helps to reveal emotionally valuable relationships between the characters of the novel.

Key words: anthropologism, personal, freedom, hero, Rudin, I.S. Turgenev.